

Юрий Никитин

Далекий светлый терем

*Часть сборника
Далекий светлый терем
(сборник)*

Юрий Никитин
Далекий светлый терем

«ЭКСМО»

1985

Никитин Ю. А.

Далекий светлый терем / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1985

«Всеволод к своим тридцати пяти успел сменить десяток мест, что непросто рядовому инженеру, которых пока что хоть пруд пруди. Слесаря или грузчика, рассуждал он, хватают всюду, а инженера берут с неохотой, да и то лишь затем, чтобы бросать на картошку, уборочную, чистку территории, вывоз мусора...»

© Никитин Ю. А., 1985

© Эксмо, 1985

Юрий Никитин

Далекий светлый терем

Всеволод к своим тридцати пяти успел сменить десяток мест, что не просто рядовому инженеру, которых пока что хоть пруд пруди. Слесаря или грузчика, рассуждал он, хватают всюду, а инженера берут с неохотой, да и то лишь затем, чтобы бросать на картошку, уборочную, чистку территории, вывоз мусора...

Затосковав «на картошке» по городу, он бежал с заявлением на расчет. Никто не уговаривал остаться, заявление подмахивали, в бухгалтерии ему бросали расчетные, которых всегда оказывалось меньше, чем ожидал, и он растерянно сдавал пропуск и выходил на улицу.

На новом месте совали метлу: «Нужно убрать тер-р-риторию отседова и доседова (вариант: дотудова)» или же, вручив лопату, талантливо соединяли на зависть ученым из НИИ космической физики заводское решение проблемы пространства – времени: «Копай от забора и до обеда». Он пробовал доказывать, что он инженер, но сникал, напоревшись на неотразимое: «Не слесарей же снимать? Они ж люди нужные!»

Он копал от забора и до обеда, ездил на кагаты, в близкие и дальние колхозы на прополку, на сбор помидоров и огурцов, заготовку фуража и силоса, вывозил навоз на поля, чистил фермы и скреб коров, копал ямы и рыл канавы, поливал сады, сгребал сено, возил зерно и собирал колорадских жуков, которых нам забрасывают иностранные шпиёны... Словом, делал все, что от него требовали. К своему удивлению, не раз попадал в передовики.

Сегодня утром, прихлопнув трезвонящий будильник, не выспавшийся, он поспешно выбрался из не по-мужски роскошной постели: до завода полтора часа с пересадкой, времени, как всегда, в обрез, тут вылеживаться некогда, хоть и страсть как хочется.

Жужжа бритвой, привычно врубил телевизор, скосил глаза. Утренний повтор вчерашнего детектива окончился, сейчас на экране колыхались, почти вываливаясь за рамку, широкие узорные листья каштана.

Он застыл, забыв выключить бритву. Каштановая роща на экране расступилась, к нему медленно, словно бы по воздуху, поплыл белый дом в два этажа – старинный, беломраморный, с резными луковичами и широкой балюстрадой, опоясывающей дом на высоте второго этажа. По широкой ухоженной лужайке, с футбольное поле размером, тоже поплыла, как в замедленной съемке, на сказочном белом жеребце женщина в длинном серебристом платье.

Всеволод судорожно вздохнул, увидев смеющиеся глаза амазонки, ее раздумавшееся лицо. Конь замер у крыльца, хвост и грива струились по ветру, а женщина легко процокала каблучками вверх по лестнице, ее шарф стремительной птицей пронесся над краем балюстрады.

Он задержал дыхание, задавливая рванувшую сердце боль.

– Ну зачем же... – сказал он горько. Щемило так, что чуть не заплакал от тоски: она там, а он здесь!

А светлый, чистый мир телефильма на историческую тему звал, манил, наполнял саднящей горечью. Как часто теперь идут инсценировки классики прошлых веков – люди ощутили тягу к временам устойчивым, добротным!

– Ну почему, – вырвалось у него, – им бог дал, а мне только показал?

Уже одетый, опаздывая, так и не позавтракав, зато всласть натосковавшись о чистом и прекрасном мире и незагаженной природе, чистом небе, он в злобе выключил телевизор, рванув за шнур так, что едва не выдернул вместе с розеткой.

Солнце палило вовсю, стараясь в авральную неделю августа освоить все солнечные лучи, отпущенные на лето. Каменные улы накалились, от них несло жаром.

Он шел, с отвращением чувствуя, что из мегаполиса не вырваться. Уже не старый пленочный город, ныне население разнесено на три мегаэтажа: вверх дома и эстакадное метро, на плоскости – улицы и площади, внизу – подземные переходы, метро...

И во всех трех измерениях полно людей. Ими запружены улицы, переулки, они давятся на перекрестках перед красным светом, а в это время по шоссе вжикают в несколько рядов автобусы, троллейбусы, машины – все под завязку набитые людьми.

В троллейбусе он застрял на площадке, не сумев продрасться в тихий угол. Жали отовсюду, он до судорог пружинил мускулы, чтобы не раздавили.

На втором этаже всем телом, кожей, кровью ощутил чужую и даже враждебную ему жизнь. Узкий коридор мертво сиял гладким металлом и пластиком, под ногами звенело что-то ненатуральное, с белых безжизненных дверей кабинетов немигающе смотрели пластмассовые квадратики с глазами цифр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.